

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-66-73

МИРОВОЗЗРЕНИЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКИХ ИДЕЙ (ПО СТРАНИЦАМ ПОЭМЫ Н.А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО?»)

© *Нина Геннадьевна Кузнецова*¹, *Марина Викторовна Баканова*²

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

¹*kuznetsova1878@mail.ru* ²*bakanova_marina@list.ru*

Аннотация. Актуальность работы связана с необходимостью выявления неоднозначного восприятия русским крестьянством религиозно-христианских догм (обычаев). Раскрывается своеобразие мировоззрения русского крестьянства в контексте христианских идей на основе произведений русских писателей, посвященных проблемам нравственности и христианской веры. На материале поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» проводится анализ отношения главного героя произведения к религиозным нормам. Обнаруживается двойственность его христианского мировоззрения. С одной стороны, отображается «верность» крестьянства христианским традициям и обычаям, а с другой, приводятся доказательства его трезвого, опирающегося на здравый смысл, а в некоторых случаях и критического, осмысления некоторых христианских основ. Делается вывод об особом отношении русских крестьян к православной вере и христианским ценностям.

Ключевые слова: мировоззрение, крестьянство, христианство, православное начало, нравственная ценность, странничество.

Для цитирования: Кузнецова Н.Г., Баканова М.В. Мировоззрение русского крестьянства в контексте христианских идей (по страницам поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?») // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 94. № 5. С. 66-73. doi: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-66-73.

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

The worldview of the Russian peasantry in the context of Christian ideas (based on the poem of N.A. Nekrasov "Who is happy in Russia?")

© *Nina G. Kuznetsova*¹, *Marina V. Bakanova*²

Penza state university, Penza, Russian Federation

¹*kuznetsova1878@mail.ru* ²*bakanova_marina@list.ru*

Abstract. The relevance of the work is connected with the need to identify the ambiguous perception of religious and Christian dogmas (customs) by the Russian peasantry. The article reveals a peculiar worldview of Russian peasantry in the context of Christian ideas based on the works of Russian writers devoted to the problems of morality and Christian faith. The analysis of the attitude to religious norms is carried out on the material of N.A. Nekrasov's poem "Who is Happy in Russia?" The duality of his Christian worldview is revealed. On the one hand, the "loyalty" of the peasantry to Christian traditions and customs is displayed, and on the other hand, its sober, common sense-based, and in some cases critical, understanding of some Christian foundations is represented. The conclusion about the special attitude of Russian peasants to the Orthodox faith and Christian values is made.

Key words: worldview, peasantry, Christianity, orthodox origin, moral value, pilgrimage.

For citation: Nina G. Kuznetsova, Marina V. Bakanova The worldview of the Russian peasantry in the context of Christian ideas (based on the poem of N.A. Nekrasov "Who is happy in Russia?"). *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 94. No 5. P. 66-73. doi: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-66-73.

Введение

Глубокая черта мировоззрения русского народа – религиозность. Русский народ на протяжении веков посещал храмы; брак обязательно освещался церковью; детей стремились обязательно покрестить; ушедшего в иной мир близкого человека – отпеть; соблюдались Пост и церковные праздники. Но в то же время русский человек трезво оценивал моральный облик некоторых служителей церкви. Не случайно один из самых ярких персонажей русских народных бытовых сказок, а также пословиц и поговорок – поп. Сказки, поговорки, пословицы осуждают жадность, глупость, моральную нечистоплотность служителей церкви, явно злоупотребляющих своим положением. Народные мудрые изречения свидетельствуют о трепетном и в то же время трезвом восприятии народом религии: «Бог терпел и нам велел»; «Жив Бог – жива душа моя»; «На Бога надейся, да сам не плошай»; «Богу молись, а к берегу гребись».

Н.А. Некрасов, как автор поэмы «Кому на Руси жить хорошо?», на протяжении всего повествования подчеркивает православное начало русского народа, но в то же время убедительно доказывает, что крестьянству на Руси было свойственно трезвое, здравое осмысление религиозных основ. Примечательно, что героям поэмы Н.А. Некрасова дорого «слово» «не дворянское», а «христианское»:

«Извольте: слово честное,
Дворянское даю!»
– Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское, –
требуют они от помещика [6, с. 72].

Обращаясь к трудовому русскому народу, Некрасов будет не раз подчеркивать его православное начало: «люди божий»; «крестьяне православные»...

Ниже мы рассмотрим и обоснуем свойственность русскому крестьянству трезвого и здравого осмысления религиозных представлений.

Обсуждение

Прежде всего, обращает на себя внимание, что герои поэмы Некрасова «мыслят» датами, имеющими прямое отношение к событиям и праздникам христианского значения. Так, многострадальная Матрена Тимофеевна, повествуя о своей безрадостной жизни, упоминает христианского святого Симеона, в день которого батюшка посадил ее, пятилетнюю, «на бурушку и вывел из младенчества» [6, с. 135]. Преподобный Симеон – христианский святой, память которого православный мир почитает 14 сентября. В этот день в крестьянской среде существовал обычай в первый раз сажать детей на коня, дабы приобщать их к труду на земле-кормилице. Приведем другой пример: муж Матрены Тимофеевны, вспоминает женщина, ушел на заработки в Питер «на Благовещенье» (праздник в честь особенного события, когда Пречистой Деве явился архангел Гавриил с вестью, что ей суждено стать матерью Великого Спасителя). Первенца Демущку она родила «на Казанскую». Праздник Казанской Чудотворной иконы Пресвятой Богородицы (сила этой иконы проявилась во времена самозванца Дмитрия) – великий христианский праздник.

Филипп на Благовещенье
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила [6, с. 145].

Вспоминает Матрена Тимофеевна, как однажды муж «прокатил» ее «на саночках» «в Екатеринин день» [6, с. 142]. Седьмого декабря отмечается народный праздник, Екатерина-Санница, получивший свое название в честь великомученицы Екатерины, названной Санницей потому, что к этой дате усиливался мороз и устанавливался санный путь.

Душа крестьянская болит за то, что весна выдалась поздняя, холодная. «Лишь на Николу вешнего погода поуставилась», – отмечает Некрасов. [6, с. 28]. В день Николы Вешнего православная церковь празднует перенесение мощей святителя Николая Чудотворца. Крестьяне считали его покровителем земледельцев и скотоводов, почитали его.

Через века пронес православный народ эту особенность – мыслить датами «христианского» значения, в этом мы убеждаемся, читая произведения русской литературы. Так, на вопрос Григория Мелехова (герой романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»), обращённый к Аксинье, когда ей срок рожать, молодая женщина отвечает возлюбленному: «На Спаса, думается...» [12, с. 204]. Старик Егор, персонаж повести В.Г. Распутина «Прощание с Матерой», один из тех несчастных, который должен лишиться родины (старики всячески «оттягивают» свой неизбежный отъезд), скрепя сердце приказывает жене Настасье: «Чтоб к Троице была в готовности» [7, с. 208]. Героиня повести Солженицына «Матренин двор» Матрена вспоминает: «На Петров день повенчались, а к Миколке зимнему – вернулся Фаддей...» [8, с. 130].

Делаем еще одно наблюдение: на страницах поэмы оживают народные приметы, обычаи, имеющие отношение к христианству. Так, вину за «бесхлебницу», которая поразила однажды село, крестьянки свалили на Матрену Тимофеевну.

В чем же виновата несчастная женщина? В том, что она «рубашу чистую одела в Рождество». [2, с. 177]. Сборник В.И. Даля содержит пословицы, имеющие отношение к этому старинному народному обычаю: «На Рождество не надевай чистой рубахи, разве обновишь суровую, а то жди неурожая». Двадцать лет прошло с тех пор, как умер Демушка, а Матрена Тимофеевна до сих пор до Спаса не ест яблок. В деревне считалось неприличным для женщин есть яблоки раньше Спасова дня. Так и говорили: «Евочка, моя Евочка, не ешь до Спасова дня яблочка!». «Крестьяне видели в яблоках до Спаса соблазн и считали грехом, если кто-то из них ел яблоки до Спаса. В этом даже каялись на исповеди» [4, с. 106].

Согласно народной примете, если мать умершего младенца будет есть яблоки до Яблочного Спаса, то Бог, в наказание, не даст на том свете ее умершему младенцу «яблочка поиграть». В поэме есть упоминание о «необычайной звезде» (комете) и о предположениях представителей народной среды о том, что могло «сулить» ее появление. Народ был убежден: это либо «господь по нему шествует», сопровождаемый ангелами, которые «перед стопами божьими... метут метлою огненной»; либо это «сулит... беду» (приход Антихриста) [6, с. 176]. Почтительное, а порой даже боязливое отношение людей к небесным светилам складывалось на заре истории человечества. «А теперь посмотрим в глубокую темную ночь, с земли на небо. Сколько там мы увидим звезд, усеянных по нему. Их несметное число! Все это отдельные миры» [5, с. 21]. «В четвертый день мира, по велению Бога, засияли над нашей землей светила небесныя: солнце, луна и звезды» [5, с. 115]. Вещая звезда, прозванная Вифлеемской, возвестила о рождении Господа. Волхвы, обратив внимание на необычное астрономическое явление, пришли приветствовать Спасителя. В поэме Некрасова появление «необычайной звезды» предвещало несчастье: неурожай.

В системе нравственных ценностей христианства особое место занимает родина. Смерть на чужбине воспринималась как большое несчастье. Герои поэмы Некрасова очень любят свою Родину. Так, надорвавшийся на работе каменщик, тяжело заболевший в чужой земле, с горечью говорит:

... Мне на родине,
Как всякому крестьянину,
Хотелось умереть [6, с. 55].

Он, преодолевая немощь, делает все для того, «чтоб дома помереть» [5, с. 55].

Народные пословицы гласят: «На чужой стороншке рад своей воронушке»; «И кости по родине плачут»; «Горе в чужой земле безязыкому». По преданию, в некоторых могилах, в которых похоронены люди, умершие не на родине, слышен плач костей, тоскующих по родной земле.

Через века пронесло русское крестьянство твердое убеждение в том, как это важно – найти последний приют в родной земле. Так, героиня повести В.Г. Распутина «Прощание с Матерой» Дарья, глубоко привязанная к своей Малой Родине, бесконечно дорогой ее сердцу деревеньке, приходит на могилу к своим родителям и с горечью говорит: «А помирать, тятка, придется мне мимо Матеры. Не лягу я к вам, ниче не выйдет» [7, с. 32].

Лирическая героиня стихотворения А.Т. Твардовского «Памяти матери», крестьянка, вынужденная жить вдали от родины (их семью раскулачили и сослали), переживает не об утраченном в родном краю материальном достатке: ее пугает перспектива умереть и быть похороненной на чужбине.

Но непременно вспоминала мать,
Чуть речь пойдет про все про то, что минуло,
Как не хотелось там ей помирать, –
Уж очень было кладбище немилое... [9, с. 382].

Герой поэмы Некрасова, надорвавшийся на работе, убежден, что это его бог наказал за «хвастовство»:

Я был – не хуже каменщик
Да тоже хвастал силою,
Вот бог и наказал! [6, с. 54]
«Смотри, не хвастай силою», – предостерегает он [6, с. 54].
«Закон Божий» гласит: «Начало греха – гордыня» [5, с. 587].

Герои русских народных сказок наказывают хвастунов: наказан Колобок (сказка «Колобок»); Заяц (сказка «Заяц-Хваста»). Понес наказание за самонадеянность и герой русского эпоса – Святогор (былина «Святогор»). Порок хвастовства отражен и в русских народных пословицах: «Хвастлива собака была, да волки съели», «Кем хвалился, на том и провалился», «Наговорил, что наварил, а глядь – и нет ничего».

Одна из важнейших заповедей христианства – о беспрекословное подчинение родительской воле. Верна этой христианской заповеди героиня поэмы Некрасова Матрена Тимофеевна.

Велел родимый батюшка,
Благословила матушка –

и вот она дает согласие на брак с «чужанином» [6, с. 139]. «Домострой» гласит: «Чада, послушайте заповеди Господни: любите отца своего и мать свою и послушайте их, и повинуйтеся им по Бозе во всем» [3, с. 51].

Христианство учит человека не роптать на Бога, какие бы лишения и беды не ожидали его. Закон Божий учит: «Надеяться на Бога, любить Бога и повиноваться Богу, всегда быть готовыми делать то, что он повелевает, и не роптать, когда он не то делает с нами, чего бы мы сами не желали. Ведь только один Бог знает, что и когда нам дать...» [5, с. 570]. Вот и Матрена Тимофеевна, убитая горем мать (что может быть страшнее для женщины, чем хоронить свое дитя, сколько бы лет ему ни было?!), все-таки не ропщет.

Я не ропщу, – сказала я, –
Что Бог прибрал младенчика [6, с. 166].

«Бог знает, что творит», – отмечает старик Савелий [6, с. 166].

Героиня баллады В.А. Жуковского «Светлана» в финале произведения вознаграждена именно за свою кротость: она не роптала на Бога, находила утешение в молитвах, поэтому все страшное оказывается лишь дурным сном, а при пробуждении ее ждет воссоединение с любимым женихом.

Христианство призывает «от всего сердца прощать обиды» [5, с. 591]. Матрена Тимофеевна нашла в себе силы простить старика Савелия, по вине которого она лишилась сыночка:

Давно простила, дедушка! [6, с. 170].

«Блаженны кротцыи, яко тии наследуют землю», – читаем в «Законе Божиим» [5, с. 589].

«Христианизация славянского мира создала христианскую теорию помощи, философию деятельной любви к ближнему («возлюби ближнего твоего, как самого себя»), которая становится моральным императивом. Столетиями всечеловеческая, христианская концепция любви к ближнему призывала национальное самосознание к милосердию и благодетельности» [10, с. 73]. Вспомним эпизод, когда крестьяне живо откликаются на беду, произошедшую с Ермилом Гириным. Каждый из них вносит посильную для себя лепту, чтобы выручить из беды своего заступника. Некрасов отмечает:

... тут попадалася
Иная гривна медная
Дороже ста рублей [6, с. 63].

Крестьянам очень трудно доставались деньги, потом-кровью добывалась каждая копейка.

В этой связи вспоминается притча «Лепта вдовицы». «При входе в храм Иерусалимский была поставлена сокровищница, то есть «сборная кружка» для пожертвований». И Иисус стоял «против сокровищницы» и наблюдал, как люди клали в нее деньги. «Многие богатые клали много». Но вот подошла к сокровищнице одна бедная вдова и «положила в нее две лепты (не много больше половины копейки)». Такой дар мог казаться людям нестоящим никакого внимания. Но Господь «указал ученикам Своим именно на эту скромную жертву бедной женщины. Господь оценил ее по внутреннему достоинству ея». И сказал ученикам своим, что «эта бедная вдова положила больше всех: «все клали от избытка своего, а она от бедности своей положила все, что имела, – все пропитание свое», положила последнее» [5, с. 383].

«Не укради», – одна из десяти заповедей Христа. Ермил Гирич, у которого остался чей-то один чужой рубль (он раздает долги), допоздна ищет владельца этого рубля. Не найдя его, он отдал его нуждающимся – слепым людям. Христианство учит быть милосердными к немощным.

Запоминается образ служителя церкви (дьячка), характеристика которого выполнена в тонах «сниженной» оценочной лексики: «тощей, как спичка серная»; «лясы распустил». Насмешкой звучит его «рецепт счастья». «Обогреет» дьячка солнышко, «удастся выпить косушечку» – вот он уже и счастлив [6, с. 52].

Один из «намеченных» крестьянами «счастливых» – поп. Он с обидой констатирует такой факт: народ «слагает» о духовенстве «сказки балагурные», поет «песни непристойные» [6, с. 21]. Русские народные бытовые сказки, действительно, содержат немало сюжетов о глупости, жадности, прелюбодеянии попов: «Как поп работников нанимал», «Как поп коней высиживал», «Жадный поп», «Поп ржет как жеребец» и другие.

В сокровищнице устного народного творчества значительно количество пословиц и поговорок, дающих сниженную характеристику служителям церкви. «Поп в церковь идет – о девках думает, поп в трапезу ковыляет – о рюмочке помышляет»; «Поп смирен духом, да велик брюхом»; «Поп и рай за деньги продавал». Все это свидетельство того, что народ здраво оценивал нравственный облик духовенства. Безусловно, находились такие служители церкви, которые на самом деле не соблюдали христианских заповедей и давали народу своим поведением повод слагать о себе сказки, анекдоты и пословицы...

У попа в поэме Некрасова свой «рецепт» «счастия»: «Покой, богатство, честь» [6, с. 19]. Конечно, понятие «честь» имеет прямое отношение к моральному облику духовенства. Вызывают некоторое недоумение другие составляющие его «рецепта» «счастия»: «покой» и «богатство». Деятельность попа с его прямыми обязанностями: утешать обреченных на скорую смерть; исповедовать умирающих; слышать их «предсмертное хрипение»; видеть безутешное горе осиротевшей семьи – все это автоматически лишает попов душевного «покоя». И к этим моральным испытаниям служитель церкви должен быть готов. Как и к тому, чтобы в любую погоду ездить к новорожденным и умирающим: и «в глухую ночь осеннюю»; и «в морозы лютые»; и «в половодье вешнее» [6, с. 20]. Что касается богатства (о котором мечтает поп в поэме Некрасова): христианство осуждает всякое материальное излишество. Истинные служители церкви должны меньше всего думать о материальных благах. Таким образом, поп в поэме Некрасова напрасно сетует на отсутствие в своей жизни богатства. С другой стороны, попу в поэме Некрасова совестно брать гроши с нищих крестьян; он всей душой сочувствует им, вынужденным гнуть спины на помещичьих угодьях и при этом еле-еле сводить концы с концами. Болит душа у попа за крестьян и потому, что весна выдалась недружная, может случиться плохой урожай; поп просит у Бога помощи за тружеников:

Умилосердись, господи!

Пошли крутую радугу на наши небеса! [6, с. 25].

(Согласно народной примете, крутая радуга – к ведру, полая – к дождю). Всей душой сочувствует поп крестьянкам, «труженицам вечным», и просит: «Господь, прибавь им сил!» [6, с. 25].

Странничество в царской России являлось одним из крупнейших феноменов религиозной жизни. Странники были людьми религиозно-восторженного склада, которые определяли свой образ жизни и систему ценностей через странствия к святым местам в поисках нравственного идеала.

Образы странниц, выполненные в иронических тонах, мы встречаем на страницах пьесы «Гроза» А.Н. Островского (это некая Феклуша со своими нелепыми рассказами, в которые безоговорочно верят жители Калинова; она безбедно живет за счет богатеньких купцов). Естественно, находилось немало людей, которые делали странничество источником пропитания, безбедно существуя за счет богомольных, легковерных и крестьянок, и купчих, и помещиц. Некрасов на страницах поэмы с иронией освещает это явление, персонифицируя его в нескольких весьма колоритных образах таких вот паломников (Некрасов называет их «мастерами великими») [5, с. 209]. Что же имеет в виду поэт? Вне всякого сомнения, он иронизирует: «мастера – то есть обладающие даром «втираться» в доверие легковерных «богомольных» людей и есть-пить за их счет, обеспечив себя теплым жильем». Обратимся к этим образам.

1. «Старца», пленившего «сердца народные» «чудным пением» и «перепортившего» немало «девок» – учениц [6, с. 209].
2. Безымянного «странника», который «втерся» в доверие семьи и теперь коротает зимние дни в теплом доме. Вся семья «работает» (старик чинит лапти, его старшая дочка шьёт, ткёт работница). А он, попарившись в баньке, поглощает «досыта» «ушицу», запивая её «чарочкой». И рассказывает небылицы («рекою льётся речь»), наслаждаясь всеобщим вниманием [6, с. 211–212].
3. Старца Иона Ляпушкина, который настолько сумел пленить сердца крестьянок, что они ведут спор о том, в чьем доме он будет жить, чьи хлеб-соль кушать.

С иронией освещает Некрасов образы и самих «странников», и их «поклонников». Крестьяне на Руси не любили лентяев; труд на родной земле воспринимали как радость. «В народе всегда с усмешкой, а иногда с сочувствием, переходящим в жалость, относились к лентяям» [1, с. 26–27]. С огромной радостью временно покинувшие родные дома крестьяне в поэме Некрасова берут в руки косы.

Проснулась, разгорелась
Привычка позабытая
К труду! [6, с. 88].

С точки зрения крестьянства (героя поэмы Некрасова), странники – лентяи, которые «не жнут, не сеют», поэтому и отправляются «на попрошайство осенью» «как на доходный промысел» [6, с. 208]. И неплохо устраиваются за счет тех, кто верит его «проповедям» и рассказам о святых местах. Правда (иронизирует Некрасов), «нередки случаи, что странница окажется воровкой...» [6, с. 208]; а странник «не бывал... дальше «Троицы-Сергия» [6, с. 209]. Их явно ироническая характеристика достигается и за счет сниженной лексики: «попрошайство»; «воровка»; «перепортил»; «плюет»; «бормочет непонятное». Но и народ легко дает себя обмануть. Крестьянки соглашались, чтобы их дочери со старцем «в риге запирались» [6, с. 209]. Ведут спор о том, «кто первый приютит» лицемера и обманщика Ионушку [6, с. 213]. Молодая крестьянка, увлеченная сладкими речами странника, даже не заметила, как смешно она выглядит (до крови уколола палец во время шитья и «сидит – зрачки расширены»); а «у самой хозяйшкы веретено пузатое скатилось с колен» [6, с. 211–212].

С иронией пишет Некрасов о том, что религиозность в некоторых случаях приобретает нелепые формы. Так, Матрена Тимофеевна рассказывает о «богомолочке», «сладкоречивой страннице», которая появляется в их краях и требует от крестьянок, чтобы они детишек «по постным дням» «грудью не кормили». По средам и пятницам голодные дети кричали от голода, и только одна здравомыслящая Матрена Тимофеевна «не послушалась»; «судила... по-своему», продолжала кормить своего сыночка [6, с. 171–172]. Но и Матрена Тимофеевна не лишена суеверия: когда через восемь лет с ее сыном приключилась беда, она увидела в этом божье наказание за свое былое непослушание...

Да, видно, бог прогневался, –
говорит она [6, с. 172].

При словах «богомолочка» и «сладкоречивая» невольно возникает ассоциация с чем-то неискренним, даже лживым, слащавым...

Запоминается фрагментарный, но весьма колоритный образ золовки Матрены Тимофеевны. На ум приходят народные изречения: «Золовушка злая головушка»; «золовка – зловка, золовка – колотовка, золовка – мутовка»; «золовка хитра на уловки». Матрене Тимофеевне не повезло: ее золовка старая дева. Некрасов не без насмешки называет ее «богомольной». Матрена Тимофеевна сетует:

На старшую золовушку,
На Марфу богомольную,
Работай, как раба... [6, с. 141].

«Богомольная» золовка Матрены Тимофеевны явно отыгрывается на ней за свою не сложившуюся личную жизнь. Эпитет «богомольная» явно наполнен ироническим звучанием. Она не «верующая», не «религиозная», а именно «богомольная».

Матрена Тимофеевна, доведенная до отчаяния, возроптала-таки: «Неужели ни бог, ни царь не вступится?» На это ей здраво возражает старик Савелий: «Высоко бог, далеко царь...» [6, с. 167].

Христианство возлагает на женщину сложную, многогранную роль: она должна быть прекрасной домовитой хозяйкой, заботливой матерью, неперечливой женой и невесткой; работающей, трудолюбивой, ласковой с мужем и с его родственниками.

Согласно библейской легенде, Ева, нарушившая запрет Бога, наказана им полным повиновением: «В болезнях будешь рожать детей и должна повиноваться мужу» [5, с. 130]. «Жена добрая, трудолюбивая, молчаливая – венец своему мужу», – гласит «Домострой» [3, с. 137].

Матрена Тимофеевна – примерная жена, мать и невестка. Она говорит:

Что ни велят – работаю,
Что ни бранят – молчу [6, с. 145].

Безропотно сносит Матрена Тимофеевна незаслуженную обиду: ни за что ни про что прибил ее муж... Считает непочтительным, чтобы жена считала «побой мужнины» [6, с. 143].

Запугана, заругана,
Перечить не посмела я –
признается она [6, с. 158].

«Терплю и не ропщу...», – говорит она о себе [6, с. 183].

Но когда это необходимо – «слабая» Матрена Тимофеевна становится сильной: ложится под кнут вместо сына Федотушки, отправляется в труднейший путь и вызволяет из солдатчины мужа. Полны иронического звучания размышления о женской судьбе: «ключи от счастья женского», от женской «вольной волюшки заброшены, потеряны у бога самого» [6, с. 193]. Эти ключи проглотила какая-то рыбина, но вот в каких морях она гуляет – «бог забыл» [6, с. 193]. Напрашивается горький вывод, что бог отказывает в своей помощи многострадальной русской женщине-крестьянке.

Выводы

Таким образом, мы убеждаемся в том, что православие являлось важной составляющей мировоззрения русского крестьянства. Крестьяне многое в своей жизни искреннее считали ознаменованным чудодейственным участием Божественного промысла; «мыслили» датами христианского значения; опирались на нравственные основы православной веры. В то же время некоторые их поступки являлись результатом склонности к суеверию, нежели сознательной и чистой религиозностью. Русский крестьянин явно отличался особым отношением к вере: так, при всей своей религиозности он сумел обнаружить в служителях церкви качества, явно расходящиеся с теми нормами морали, которые они проповедают.

Список источников

1. Белов В.А. Лад: Очерки о народной эстетике. М.: Молодая гвардия, 1982. 293 с.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 3 т. Т. 3. СПб.: ТОО «Диамант», 1966. 478 с.
3. Домострой. М.: Советская Россия, 1990. 304 с.
4. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, предания, обряды. М.: Эксмо, 2003. 608 с.
5. Законъ Божій. Составил Протоіерей Серафимъ Слободской. Издание четвёртое. Московская патриархия. Ленинградское Епархиальное управление: 1990. 723 с.
6. Некрасов Н.А. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1979. 415 с.
7. Распутин В.Г. Избранные произведения: В 2 т. М.: Молодая гвардия, 1990. 400 с.
8. Солженицын А.И. Рассказы. М.: Новый мир, 1990. 320 с.
9. Твардовский А.Т. Лирика. М.: Наука, 1976. 363 с.
10. Шалагина С.Н. Истоки христианской этики // Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 73–81.
11. Шолохов М.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. М.: Правда, 1975. 383 с.

References

1. Belov V.A. Lad: Essays on folk aesthetics. Moscow, 1982. 293 p.
2. Dal V.I. Proverbs of the Russian people in 3 volumes; volume 3. St. Petersburg, 1966. 478 p.
3. Domostroy. M., 1990. 304 p.
4. Zabylin M. Russian people. Their customs, traditions, rituals. Moscow, 2003. 608 p.
5. Divine law. Compiled by Archpriest Seraphim Slobodskoy. 4th edition. Moscow Patriarchate. Leningrad Diocesan Administration: 1990. 723 p.
6. Nekrasov N.A. Collection of works in 4 volumes; volume 3. Moscow, 1979. 415 p.
7. Rasputin V.G. Selected works in 2 volumes. Moscow, 1990. 400 p.
8. Solzhenitsyn A.I. Stories. M., 1990. 320 p.
9. Tvardovsky A.T. Lyrics. M., 1976. 363 p.
10. Shalagina S.N. The origins of Christian ethics // Humanities and Social Sciences. 2018. No. 1. pp. 73-81.
11. Sholokhov M.A. Collection of works in 8 volumes; volume 1. M., 1975. 383 p.

Статья поступила в редакцию 22.07.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 15.08.2022.

The article was submitted 22.07.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication 15.08.2022.